

Рут Элиас

ЖЕРТВА ДОКТОРА
МЕНГЕЛЕ

КАК ВЫЖИТЬ В ОСВЕНЦИМЕ

ЯУЗА

Москва

УДК 821.112.2-94(437)
ББК 84(4Чех)-44
Э46

Э46 **Элиас, Рут.** Жертва доктора Менгеле. Как выжить в Освенциме : [перевод И. Мизининой] / Рут Элиас. — Москва : Яуза-пресс, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-9955-1248-6

РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ МОЛОДОЙ ДЕВУШКИ — ЖЕРТВЫ МЕДИЦИНСКИХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ В ОСВЕНЦИМЕ. Рут Элиас (1922–2008) хотела поступить в музыкальную академию в Праге и стать пианисткой. Но после оккупации Чехословакии нацисты отправили ее в «образцовое гетто» Терезиенштадт, созданное, чтобы продемонстрировать, как «гуманно» они обращаются с евреями. В 1942 году Рут депортировали в самый страшный из лагерей смерти — Освенцим-Биркенау, где над ней и ее новорожденной дочерью проводил свои чудовищные эксперименты эсэсовский врач Йозеф Менгеле, ставший самым знаменитым злодеем в белом халате и вошедший в историю преступлений Третьего рейха под именем «Доктор Смерть». Рут Элиас, одна из немногих выживших участников экспериментов Менгеле, после войны долго искала своих родственников, но никто из многочисленной семьи не смог пережить Холокост.

УДК 821.112.2-94(437)
ББК 84(4Чех)-44

© Мизинина И., перевод на русский язык, 2026
© ООО «Яуза-пресс», 2026

ISBN 978-5-9955-1248-6

В последние годы мне кажется, что время летит очень быстро. Я предпочитаю смотреть вперед, потому что прошлое научило меня не оглядываться назад. Но время от времени я все же возвращаюсь мыслями туда, и тогда меня охватывает реальное и всепроникающее ощущение концлагеря. Оставив глубокие шрамы, концлагерь продолжает преследовать меня и сегодня. Я не могу от него избавиться, хотя всю жизнь пытаюсь сделать это. Он возвращается снова и снова, и я обречена жить с ним. Я не могу передать это ощущение тому, кто не прошел через этот ад: в конце концов, никому не дано постичь непостижимое. В каком-то смысле мои гонители добились своего: воспоминания об их деяниях продолжают преследовать меня. Чтобы избежать этого чувства, хотя бы отчасти, я не прекращаю бежать. С тех самых пор, как я оказалась в концлагерях, я спешу только вперед, двигаясь без особых раздумий. Бегу, всегда бегу. Я знаю, что упустила много прекрасного, потому что никогда не могла остановиться и полностью погрузиться в то, чем мне хотелось бы заниматься. Смогу ли я когда-нибудь избавиться от этой тревоги? Лишь время, проведенное с внуками, позволяет, как мне кажется, немно-

го расслабиться. Когда я смотрю на них, мне хочется плакать. Иногда мне кажется, что испытать это счастье я могу только во сне, счастье, на которое я даже не надеялась. Мои внуки — это моя победа над преследователями, и я радуюсь, что смогла создать новую семью, корни которой на нашей родине. В Израиле.

Мои дорогие внуки...

Эта книга посвящается вам. Ваши отцы выросли без семьи. Когда они были маленькими мальчиками, у меня сердце разрывалось каждый раз, если они спрашивали меня: «Почему у нас нет дедушки и бабушки? Почему у нас нет дядей и тетей? Почему все наши друзья получают подарки от родственников, а мы нет? Почему мы отмечаем праздники без семьи?» Их слова глубоко ранили меня. Как я могла объяснить им, тогда еще детям, почему у них всего этого нет? Мы с дедушкой совершили большую ошибку в воспитании сыновей: мы не хотели обременять их своим прошлым, поэтому никогда им о нем не рассказывали. Мы мечтали, чтобы они выросли свободными гражданами в свободном Израиле, чтобы их никак не затронуло то, что случилось с их родителями. В результате между ними и нами образовалась определенная дистанция, непонимание, которое начинает исчезать только сейчас, когда они сами стали родителями.

Спустя годы вы поймете, о чем я пишу. Когда вы станете старше, вы узнаете об этом в школе, вы будете читать книги и смотреть фильмы, но, вероятно, для вас все это будет лишь главой из учебника истории. Всякий раз, когда вы услышите или прочтете о «преследовании евреев в период нацизма», подумайте о дедушке Курте и бабушке Рут, переживших этот ад, выживших

вопреки нацистам и передавших будущим поколениям правду об ужасах, через которые они прошли. Скоро мое поколение уйдет: таков закон природы, и тогда только этот рассказ будет свидетельствовать о том, что произошло с нами.

Я рада, что смогла написать эту книгу для вас, рада, что у вас есть бабушки и дедушки, дяди, тети и кузены. Пожалуйста, дорожите семейными узами. Никогда и никому не позволяйте разрушать эти связи, даже если иногда между вами возникают разногласия. Именно эта связь дала мне силы выжить. Да, я выжила, но потом настал день, когда я поняла, что осталась одна. Совсем одна.

Глава 1

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ В ОСТРАВЕ

Наш дом был небольшим. Маленькая лавочка спереди, сзади большой двор с огромным каштаном, стойло для лошади и сарай для повозки — все огорожено деревянным забором. По будням мы собирались за обедом на просторной кухне, где хозяйничала наша кухарка Герминка, которая всякий раз расстраивалась, если я отказывалась есть приготовленную ею вкусную еду. Мы все сидели за длинным кухонным столом, покрытым сине-белой клетчатой клеенкой: отец, мама и моя сестра Эдит, унаследовавшая красоту нашей матери — красоту настолько поразительную, что люди оборачивались посмотреть на сестру, и я, простая девочка, всегда держалась в тени, смущаясь, что не такая красивая. Хупперты, вполне среднестатистическая семья, жили в Привозе, пригороде Остравы, в той части Чехословакии, которую называют Моравия.

Фанни Рингер, бабушка по материнской линии, жила неподалеку. Раз в неделю мы с сестрой наряжались и шли к ней в гости. Если мы вели себя хорошо, то оставались там на пару часов и поглощали огромное количество сладостей, однако всегда радовались возвращению домой.

Нашу бабушку по отцовской линии, Эмили Хупперт, мы звали Ома — то есть «бабушка» по-немецки,

она жила в Марианских Горах (Мариенберге), которые, как и Привоз, были пригородом Остравы. Нам приходилось добираться туда на трамвае, и поскольку это было далеко и поездка занимала много времени, мы навещали бабушку нечасто. Но всякий раз очень радовались. Она жила в большом одноэтажном доме с множеством маленьких комнат. Окна его выходили на магазин, где можно было купить практически все: продукты, специи, сладости, спиртное, мыло, шнурки и многое другое. Там стоял чудесный запах.

Образ бабушки навеки врезался в мою память. Статная, энергичная женщина, она руководила магазином и всем управляла сама. Ничто не ускользало от ее взгляда. И пусть она казалась строгой, у нее было доброе и любящее сердце. Как только мы приезжали, она сразу же давала каждой из нас маленький цветной леденец на палочке; если его облизать, он окрашивал губы в красный, синий или оранжевый цвет. Чем больше мы облизывали, тем меньше и острее становился леденец. А потом мы с Эдит бежали в большой двор, где рос огромный куст сирени. Вдыхая весной его восхитительный аромат, я не могла налюбоваться этим кустом и пышными белыми метелками его цветов. Рядом росла липа, ствол которой был окружен узкой скамейкой. И от ее цветков тоже исходил чудесный запах. В пору цветения лип мы довольно часто навещали Ому, потому что цветы нужно было собирать и сушить, чтобы заваривать чай из липового цвета, который заменял Оме обычный. Ей приходилось быть бережливой, потому что она была довольно бедна.

Недалеко от дома находилось небольшое поле, которое обеспечивало кормом лошадей. Часть сена сушили на зиму и хранили в сарае. Куры бегали по двору, и Ома точно знала, где искать их яйца. У бабушки также были и гуси, и утки, и Ома «начиняла» гусей. Мне всегда было

жаль несчастное создание, когда бабушка запихивала ей в глотку шлишкен¹ домашнего приготовления, массируя при этом тонкую шею птицы, пока та не проглотит смесь. Бедная гусыня через некоторое время становилась такой жирной, что уже не могла больше двигаться, а потому просто сидела в большой неглубокой корзине, устланной соломой. Чего она ждала? Ома и дальше продолжала ловко начинять птицу, каждый раз взвешивая гусыню, когда вытаскивала ее из корзины. Иногда так начиняли двух или трех гусей одновременно. А если в наш следующий приезд гуси исчезали, я понимала, что их забили, и всегда огорчалась. Но потом мне давали кусок домашнего хлеба, отрезанного от огромной буханки и намазанного смесью гусиного жира, печени и лука. Как же это было вкусно! Гусиный жир стекал по подбородку, и о несчастном забитом гусике уже никто не вспоминал.

Самым большим помещением в доме Омы была кухня. В центре ее стоял огромный стол из некрашеного дерева, который ежедневно чистили жесткой щеткой после основной трапезы. В большой печи, отделанной изразцами, выпекали хлеб. Плита для готовки была, кажется, сделана из сланца. На ней имелось два круглых выреза с крышками, которые можно было поднимать, чтобы пошевелить угли внутри. Плита, достаточно большая, чтобы вместить четыре-пять больших кастрюль, имела металлический ободок, который ежедневно полировали до блеска наждачной бумагой. Этот блестящий ободок был гордостью и радостью хозяйки, а также доказательством ее трудолюбия. Огонь в печи раздували через две боковые дверцы с декоративными ручками. Для разжигания огня нужно было обладать немалым мастерством. Сначала мы клали в печь ском-

¹ Жирная обработанная зерновая пицца для откармливания гусей и уток

канную бумагу, а сверху нее щепки, которые готовили заранее, накануне вечером. Когда появлялся огонь, нам приходилось ждать, пока он разгорится, и только затем добавить толстые поленья и, наконец, уголь. Недостатка в угле никогда не испытывали, потому что Острада была городом угледобывающей промышленности, и уголь доставляли прямо в дом, по дешевке. Когда на обычный уголь денег все же не хватало, мы довольствовались угольной пылью, которая была еще дешевле, но тогда приходилось чаще приглашать трубочиста.

Ах да, трубочист. Меня всегда мучил вопрос: он просто одевался во все черное или его одежда почернела от работы? В доме Омы его принимали как почетного гостя и всегда угощали колбасой с хлебом и пивом. Дымоходы являлись очень важной частью дома.

В каждой комнате стояла изразцовая печь, кахеловен, которая зимой дарила чудесное тепло, а потому дымоход любой печи следовало содержать в чистоте от сажи. Трубочист приносил с собой покрытую сажей лестницу; через плечо у него висела веревка, на конце которой находились круглая черная щетка и камень. Все трубочисты, которых я когда-либо встречала, были очень худыми, потому что, как говорили, им иногда приходилось спускаться в дымоход, чтобы удалить засохшие комки сажи. Наш трубочист одевался в черную, плотно прилегающую к телу одежду, и еще он носил маленький черный берет. Рано утром его лицо было чистым, но вокруг глаз всегда виднелись черные круги — указание на его профессию. Ему никогда не удавалось отмыть их, потому что мыло щипало глаза. А когда он начинал чистить первый дымоход, все его лицо становилось черным, кроме белков глаз. Есть старое суеверие, гласящее, что прикосновение указательным пальцем к трубочисту приносит удачу. Естественно, трубочисты пользовались большой популярностью. Наш

начинал свою работу с того, что поднимался на крышу и опускал веревку с круглой щеткой и камнем в дымоход до тех пор, пока облака сажи не вырывались наружу через кухню и другие комнаты. После его ухода нам всегда приходилось делать генеральную уборку.

Я помню дом Омы в Марианских Горах во всех подробностях, потому что, когда мне было почти шесть лет, родители развелись и какое-то время мы с Эдит жили у Омы. Мы не понимали тогда, что такое развод, но были рады находиться под опекой Омы, потому что нам нравилось жить в ее доме.

В доме отсутствовал водопровод, но во дворе имелся прекрасный колодец, из которого мы черпали воду ведром, привязанным к веревке. Ведро опускали в колодец с помощью рукоятки. Зимой это было нелегко. Я до сих пор не знаю, как Ома доставала воду в сильные морозы. Талый снег или дождевая вода, собранная в бочки, использовались для стирки. В доме не было ванной. Нас мыли только раз в неделю в большом корыте, установленном на двух деревянных козлах на кухне. Внизу в корыте было отверстие, которое закрывалось деревянной пробкой. На плите нагревали огромные котлы с водой, а затем выливали их в корыто. Мы с Эдит по очереди купались в одной и той же воде, а когда становилось прохладно, то в корыто снова добавляли горячей воды. Ома мыла нас щеткой и вытирала большим льняным полотенцем. Затем пробку вытаскивали, и вода стекала в ведро, поставленные под корыто.

В конце большого двора находились конюшня, сарай и маленький домик для служанки и кучера. В те времена мы ни разу не видели нашего дедушку, Опу Генриха Хупперта. Гораздо позже я узнала, что он уехал в Бельско, в Польшу, оставив Ому с двенадцатью детьми. Ей приходилось заботиться обо всех этих детях, кормить их и одевать, что было нелегко, учиты-

вая ее скудный доход от продуктового магазина. Что касается одежды, то обеспечить ею детей не представляло большой сложности, потому что новую одежду покупали только старшему мальчику и старшей девочке, а затем ее передавали по наследству младшим.

Единственным способом для Омы прокормить детей и позаботиться о них стала возможность отдать мальчиков, достигших четырнадцати лет, в ученики. Каждому приходилось учиться ремеслу, потому что денег на учебу не было. Моего отца, Фрица, отдали в ученики к мастеру-слесарю в Вене. Он спал в мастерской. Угол ее отгородили досками и поставили ему там кровать. Питанием ученика занимался мастер, но еда была настолько скудной, что отец часто голодал. Небольших карманных денег, которые он получал каждую неделю, не хватало ни на еду, ни на одежду, и он начал искать способ улучшить свое положение.

Он слышал, что оперные певцы регулярно нанимают клакеров, чтобы те долго и бурно аплодировали после каждой спетой арии; они делали это, потому что выступление певца оценивалось по громкости и продолжительности аплодисментов. Так отец зарабатывал дополнительные деньги. Среди певцов, с которыми он работал, были Энрико Карузо и Мария Ерица. Помимо дополнительных денег, отец получил возможность сидеть в великолепном Венском оперном театре в окружении изысканных и элегантно одетых людей. Это стало его первым знакомством с культурой, прежде всего с музыкой. Подработка положила начало его большой любви к музыке, и, хотя из-за бедности он не мог позволить себе брать уроки, музыка обогащала его жизнь.

Закончив обучение ремеслу, отец начал самостоятельно работать слесарем в Вене. Позже он вернулся в Оставу, чтобы быть поближе к семье. Но профессия слесаря давала здесь скудный заработок, и потому

он решил заняться другим делом. Он купил небольшой дом в Привозе, взяв в долг большую сумму, чтобы открыть там мясную лавку.

Отец вставал рано утром, чтобы быть на ногах к пяти часам, когда железнодорожники шли мимо магазина по дороге на работу. Они останавливались купить колбасу или мясо, поэтому в этот ранний час в маленьком магазине было очень многолюдно. Лавка не закрывалась до поздней ночи: отцу приходилось усердно работать, чтобы выплатить изрядный долг. Отработав половину, он начал подумывать о женитьбе.

Моя мать, Мальвинене Рингер, была поразительной красавицей. Она вышла замуж за отца, когда ей исполнилось всего лишь шестнадцать лет. После свадьбы она сразу же взяла на себя ведение домашнего хозяйства. Вскоре она забеременела первенцем, а через год после свадьбы родилась моя сестра Эдит.

В те времена женщины не рожали в больнице. Вместо этого к нам домой пришла акушерка. Она же вернулась два года спустя, чтобы принять меня. Это была маленькая, хрупкая женщина, часто приходившая посмотреть, как поживают «ее» дети. Моя мама всегда давала ей в подарок колбаски и мясо, что делало визиты весьма приятными для женщины.

Наши редкие поездки к дому Омы стали чаще, и каждый раз мы оставались там дольше. Потом настал тот день, когда сообщили, что мама ушла из дома и теперь мы будем жить с Омой. Мне не было и шести лет. Я хотела, чтобы мама осталась с нами, и не могла понять, почему я ей больше не нужна. Отец сказал нам, что мама никогда не вернется. Я всегда злилась на него за то, что это он ее выгнал. Почему у других детей были мамы дома, а у нас нет? Однако наши дни с Омой стали настолько захватывающими и насыщенными, что вскоре я перестала думать о Привозе и о матери. К сожалению, счастли-

вая жизнь в доме Омы продлилась недолго: она заболела и умерла вскоре после того, как мы переехали к ней.

Затем нас с Эдит забрали брат отца, Хуго, и его жена, Ирма, у которых не было своих детей. Потеря двух людей, которых я очень любила, повлияла на мое психологическое состояние. Я сделалась угрюмой и непослушной, меня часто наказывали. Мне приходилось стоять в углу лицом к стене, а иногда даже отпрапляться спать без ужина. Дядя Хуго обычно защищал и баловал меня безмерно, хотя тетя Ирма, которая старалась стать нам матерью, этого не одобряла.

Я была благодарна дяде Хуго за его любовь, заменившую мне материнскую, которой я оказалась лишена в столь раннем возрасте. А я, в свою очередь, любила его всем сердцем — думаю, больше, чем отца. Я уважала отца, возможно, я даже боялась его, но я почти не помню моментов, когда он был со мной ласков. Зато дядя Хуго широко раскрывал объятия, когда видел меня, и я всегда могла подбежать и прижаться к нему. Я чувствовала себя с ним в безопасности, а ведь я потеряла это чувство, когда рухнул родительский дом.

Сейчас тетя Ирма взялась твердой рукой за наше образование и воспитание. Она нанимала нам нянь. Эти женщины часто приходили и уходили, наверное, из-за того, что я была очень непослушной. Никто из них не понимал, что я жажду вернуть свою мать, что мои проступки имеют более глубокие корни, чем просто своеволие. Тетя Ирма постоянно говорила гадости о моей маме — такие вещи, которые я сначала не хотела слышать, в которые я не желала верить. Снова и снова она твердила мне, что я не нужна своей матери, иначе она бы за мной пришла, и что я не должна проявлять к ней нежность, если когда-нибудь с ней встречу. Тетя Ирма не переставала повторять это, и ее слова начали оказывать на меня воздействие.

Я не знаю, где тогда жила моя мать. Но однажды, когда я шла домой из школы, какая-то женщина схватила меня и прижала к себе. Я до сих пор чувствую ее поцелуи на своем лице и слышу ее голос, полный слез: «Моя Рутинко, моя Рутинко!» («Моя маленькая Рутти, моя маленькая Рутти!»). Мне было лет семь или восемь, и когда я поняла, кто она, я отчаянно пыталась освободиться из ее объятий. «Уходи, — кричала я. — Ты мне больше не мать! Уходи! Отпусти меня». Я пришла домой, истерически рыдая. Естественно, я никому не могла рассказать об этой встрече. Мне было стыдно; возможно, я боялась реакции отца или тети Ирмы. Я просто не знаю.

Мать сделала мне подарок. Должно быть, она узнала, что я беру уроки игры на фортепиано, и, прижимая меня к себе, вложила мне в руки тетрадь с нотами вальсов для фортепиано. Сжимая тетрадь, я вернулась домой. В панике я спрятала ее. Когда кто-то нашел ноты и меня спросили, откуда они, я солгала. В поздние годы я часто играла вальсы из этой нотной тетради, как воспоминание о матери. Я больше никогда ее не видела и ничего о ней не слышала. Ходили слухи, что она эмигрировала в Палестину, вышла там замуж за грека и переехала с ним в Салоники.

Мы жили у дяди Хуго и тети Ирмы несколько лет. Тем временем отец продал свой маленький дом, намереваясь присоединиться к дяде Хуго в расширении и развитии его мясного и колбасного бизнеса. В доме дяди Хуго уже имелся один магазин, и отец купил еще один.

Дом дяди Хуго был большим. На заднем дворе построили одноэтажное здание для работников, и вскоре численность предприятия выросла до тридцати пяти человек. Герминка и две помощницы готовили еду для семьи и рабочих. Горничная убирала дом, пока вся семья занималась делами на предприятии. В один

из магазинов наняли продавщицей молодую девушку из родного города тети Ирмы, Скочува, что недалеко от Бельско. Ее звали Зенка Фришлер; она жила с нами и была для нас членом семьи.

На заднем дворе стояли два конных экипажа, а в конюшне держали лошадь. Один из экипажей использовался для работы, а другой, ярко-желтого цвета, — для отдыха. Лошадью и экипажами занимался кучер. Позже экипажи заменили автомобилем и наняли шофера Ладу, который всегда носил шоферскую фуражку.

То, что во времена конных экипажей и повозок мы имели автомобиль, кажется чем-то невероятным. Более того, и само транспортное средство было поистине уникальным. В будние дни использовали грузовик. Кузов грузовика крепился к водителскому отделению четырьмя большими болтами. По выходным эти болты откручивали, и кузов грузовика ставили на блоки. Затем четыре человека с помощью двух длинных рычагов поднимали кузов легкового автомобиля с другого набора блоков и прикручивали его к водителскому отсеку. Скамейка, встроенная в салон, вмещала трех взрослых или четырех детей. Перед ней располагалось складное сиденье, рассчитанное на троих. Спереди, рядом с шофером, было место еще для трех человек. Таким образом, машина, которую мы называли семейным автобусом, могла вместить девять-десять человек. В задней части водителского отсека находилось раздвижное окно, которое во время семейных поездок обычно оставалось открытым, чтобы мы могли разговаривать друг с другом. Все окна в салоне были оснащены опускающимися шторками. Фары были установлены по отдельности на крыльях, а гудок крепился снаружи. Чтобы подать сигнал, следовало сжать резиновый шарик, и из золотистой воронки исходил звук. Лада постоянно полировал автобус, и тот всегда блестел. Во время семейных поездок шофер гордо

надевал специальные перчатки с широкими манжетами, что придавало ему внушительный вид.

На задний двор дома дяди Хуго можно было попасть через большие железные ворота. Рядом с этими воротами находилась конура нашей черно-белой собаки — дога по имени Белла. Мы с ней очень любили друг друга. Она была крупнее и сильнее меня, и всякий раз, когда я приближалась к ней, она вскакивала, клала передние лапы мне на плечи и сбивала меня с ног. Я не обращала внимания на постоянные увещевания не подходить к ней, чтобы она не испачкала мне одежду. Я нуждалась в любви этой собаки и потому с радостью терпела брань.

С одной стороны дома, под кухонным окном, находился узкий сад с зеленой скамейкой и большим грушевым деревом. Когда груши созревали, я забиралась на дерево и рвала их. Там же росли прекрасные кусты смородины и крыжовника. Окно кухни было таким низким, что я могла сесть на подоконник, перекинуть ноги через него и очутиться в саду. Помню, как я копалась в этом саду, пытаясь вырастить свои первые овощи и цветы, но мои усилия ни к чему не приводили.

Здание за домом, где делали колбаски и мясные изделия, постоянно перестраивали и расширяли. Вскоре оно превратилось в небольшую колбасную фабрику с новыми машинами для резки, смешивания и набивки; все работало на электричестве. Чтобы мясо не портилось, смонтировали трехкамерную холодильную установку. Неподалеку находилась коптильня, которой управлял Адольф. Будучи знатоком, он точно знал, какое дерево лучше всего подходит для копчения того или иного вида мяса или колбасы и способно придать им нужный вкус. Две гигантские коптильни вмещали бесчисленное количество прутьев, на которых подвешивали ветчину, рулеты из ветчины, бекон, сосиски, колбасы, салями

и множество других изделий. Это были владения Адольфа: только ему разрешалось входить сюда; я не помню, чтобы когда-либо видела внутри кого-то еще. Мы всегда радовались, когда Адольф давал нам кусок горячей колбаски прямо из коптильни. Ничто не могло быть вкуснее. И летом, и зимой Адольф работал без рубашки, его тело блестело от пота. Куда бы он ни шел, от него исходил аромат копченого мяса.

Присоединившись к дяде Хуго, отец привел с собой Альфреда Клатта, помощника из его небольшого магазинчика. Поскольку Клатт отличался верностью и преданностью, ему доверили все секретные рецепты приготовления колбасных изделий. Уважая его опыт, мы называли его «господин Клатт»; он стал мастером в колбасном цехе. Когда мистер Клатт женился, отец и дядя Хуго помогли ему найти жилье. Они заботились о его семье и всегда были готовы помочь советом.

А еще был господин Мюллер, наш бухгалтер, который работал рядом с магазином в небольшой комнате, где стояли большой железный сейф, письменный стол и полки. Сейф открывался поворотом железного кольца. Я не знаю, что еще там хранилось, но я часто видел, как, пересчитав дневную выручку, ее запирали там до следующего дня, когда деньги можно было отнести в банк. Господин Мюллер, высокий, худой мужчина, который носил пенсне, был безупречно одет и брал с собой зонтик даже в солнечную погоду, каждое утро вовремя приходил на работу. Он начинал свой утренний ритуал, снимая пальто и шляпу и вешая их рядом с зонтиком. Затем он надевал черные нарукавники поверх рукавов пиджака или летом поверх рукавов рубашки. Господин Мюллер был женат, но не имел детей, и он привязался к Эдит и ко мне. Мы находили странными его педантичные манеры бухгалтера и за его спиной часто хихикали над ним самим и его нарукавниками.

В главном магазине имелся отдел кошерного мяса, расположенный сбоку, чтобы мясо не соприкасалось с некошерными продуктами. Отделом кошерного мяса, который был открыт всего два-три часа в день, заведовал кантор Шимковиц, который тоже приходил каждый день с завидной пунктуальностью. Поскольку покупателей кошерного мяса было немного, кантор, сидя на белой скамье, всегда находил время для серьезных бесед о еврейской философии с отцом или дядей Хуго. Наш дом и бизнес находились прямо за церковью Привоза/Одерфурта и домом священника, и всякий раз, когда у священника, хорошего друга моего отца, было время, он приходил к нам и присоединялся к этим беседам. Это переросло в христианско-еврейскую дружбу, которую разделяли и другие члены семьи. Время от времени нас с Эдит приглашали в дом священника. Священник рассказывал нам о христианской религии, а иногда брал нас за руку и водил по своей церкви. Мы многое узнали о нашей собственной религии от кантора Шимковица, он научил нас тем заповедям, которые нужно соблюдать в жизни. Я поняла значение некоторых из этих принципов только много лет спустя. Бизнес продолжал расти, и вскоре отец и дядя Хуго приобрели ресторан быстрого питания – буфет быстрого питания с одним блюдом – фактически на главной улице Остравы. Это означало больше сотрудников и больше работы, поскольку небольшой бизнес на заднем дворе превратился в процветающую колбасную фабрику. Каждый день несколько грузовиков приезжали за колбасой и мясными продуктами, чтобы развезти их по магазинам, ресторанам и гостиницам. И каждый день около часа, после окончания школьных занятий, мы с Эдит шли в буфет, чтобы помочь обслуживать клиентов, пришедших на обед. Для меня это не составляло труда: мне нравилось работать у маленьких круглых столиков, каждый из которых был

окружен яркими табуретами — красными, желтыми, зелеными и синими. Суп, похожий на гуляш, который мы подавали — вкусный и сытный, — сделал буфет настолько популярным, что он всегда был переполнен в этот час. Работники из всех магазинов и учреждений поблизости устремлялись сюда, чтобы получить миску, которую подавали с двумя булочками кайзер. Большие куски мяса и нарезанный кубиками картофель виднелись в густом красновато-коричневом супе, а капельки жира плавали на поверхности; аромат распространялся по окрестным улицам и привлекал еще больше посетителей. В обеденное время свободное место можно было найти с большим трудом. Весь обед стоил 1,20 кроны, то есть очень дешево.

Однако буфет требовал много дополнительной работы и забот, а потому отец и дядя Хуго, решив, что им это не по силам, продали его своей сестре Ханке. Она переименовала его в буфет «Анка» и заменила суп рыбой и деликатесами. Чудесный аромат супа-гуляша исчез, уступив место запаху рыбы. По дороге домой из школы я часто вспоминала прекрасные часы, проведенные в буфете.

Отец, Эдит и я жили в двух комнатах в доме дяди Хуго. В течение недели мы почти не видели отца, который полностью возложил ответственность за наше образование на тетю Ирму. Она знала, как влиять на нас и направлять нас. Кроме того, рядом всегда была няня, которая следила за чистотой в нашей комнате и за нашей одеждой, а также за тем, чтобы мы чем-то занимались. Наши дни проходили по четкому расписанию. Утром мы надевали нарядную одежду и шли на прогулку. Если мы встречали отца, дядю Хуго или тетю Ирму, нам следовало сделать реверанс и поцеловать их. Перед выходом тетя Ирма проверяла, одеты ли мы должным образом, и она почему-то всегда находила, к чему

придаться. Семья очень заботилась о том, чтобы девочки Хупперт всегда выглядели безупречно и вели себя идеально: ни у кого не должно было быть повода для сплетен. После развода родителей таких поводов имелось предостаточно, поскольку в те времена разводы считались большой редкостью.

Как только мы начали ходить в школу, прогулки с няней перенесли на вторую половину дня. Вооружившись ведром и лопаткой, мячом или какой-нибудь другой игрушкой, мы отправлялись в один из близлежащих парков, иногда даже на кладбище. Няня садилась на скамейку и читала любовный роман, предоставляя нам возможность играть самим. Ровно через час она отводила нас домой. Мы ужинали и ложились спать. Если кто-то из взрослых оказывался дома, нас целовали на ночь. Но это случалось редко, потому что семейные магазины в это время еще работали.

Счастливее всего я чувствовала себя, когда лежала больная в постели, потому что тогда все беспокоились обо мне и я могла видеть отца, дядю Хуго или тетю Ирму как минимум дважды в день. Доктор Гесслер, наш семейный врач, приходил с коричневой кожаной сумкой, в которой лежало множество маленьких бутылочек, шпателей для языка и других загадочных вещей. Доктор Гесслер был знаком не только с нашими телами, но и, казалось, знал наши умы и души. Он являлся воплощением доброты и всегда относился ко мне с любовью и пониманием. Не помню, чтобы он когда-либо пользовался стетоскопом. Вместо этого он сначала прикладывал ухо к моей груди и слушал. Затем клал руку мне на грудь или спину и постукивал по ней костяшкой указательного пальца. Все должны были соблюдать абсолютную тишину, чтобы он мог услышать звук постукивания. Удивительно, но его диагнозы были неизменно верными. После осмотра, если я вела себя хорошо